

ЗНАКИ ВЕТРА

ПОЭТИЧЕСКИЕ СБОРНИКИ

ЗНАКИ ВЕТРА
ЗНАКИ ВЕТРА

1

июнь

2009

Иерусалим и окрестности

Куратор проекта – Фаина Колодная
Координаты для связи:
fainak@mail.ru

Составители
Алекс Гельман и Владимир Тарасов

Художественное оформление – Ф. Колодная

Содержание

От куратора	7
От составителей. В преддверии топографии	8
Памяти Михаила Генделева.	11
Алекс Гельман. Из новой книги	13
Петя Птах. Стихи разных лет	25
Эдуард Семёнов. Соль камня	37
Владимир Тарасов. Из книги “Пятерня”	45

♦ *медленная радость
ускользающего излучения поводов
у отвоёванного искусства* ♦

От куратора проекта

Энергия слов огромна. И её не остановить, как не остановить ветер. Мы фиксируем знаки, подаваемые этим ветром. Поэтические сборники «Знаки Ветра» – это еще одно пространство для взаимодействия с вечностью.

В ПРЕДДВЕРИИ ТОПОГРАФИИ

Пытаясь в своё время скомпрометировать (низвести до профанации) всё подряд, начиная от темы и кончая самым языком, постмодернизм оказал великую услугу Началу века – ему удалось реабилитировать решительно всё: приём, поиск (в т.ч. позу), стилистически выверенную методологию и т.п. Тягу же поэзии к миропостижению, её право на познание бытия своими средствами ещё никто не отменил. Именно по этой причине самым важным достижением постмодернизма стало восстановление преимущественных прав парадигмы поэтики в качестве главной креативной, и потому репрезентативной идеи, сопутствующей индивидуальному (и не только индивидуальному) творчеству.

Поэтика – основа и хребет. Внятно акцентированные границы поэтики обеспечивают нам необходимую лёгкость – мы достигаем трёх целей сразу. Первая: происходит концептуализация пространства (причём, не насильно привнесённая) со всеми вытекающими из этого факта последствиями. Вторая: мы ограждаем себя от невольного произвола при обращении с ресурсами словаря, поскольку последний требует просеивания в соответствие с законами (включая её перегибы) поэтики. Третья: заданная система координат, каковой по определению является поэтика, генерирует возможности языка со всей щедростью проявить свойственный ему синтетизм. Несравнимый ни с чем.

Здесь я вынужден осветить один момент. Обогащение – одно из свойств любой поэтики, в особенности с твёрдым стержнем, притягивающим к себе слова, как магнит. Образно это можно выразить с помощью известных всему миру наблюдений астрономов. Пространство поэтики постоянно обновляется, как чёрная дыра, поглощающая, всасывающая в горловину всё и вся, и изливающая через края этой гигантской чаши несметные издержки энергии в космос. Но это скорее иллюстрация. На деле же обогащение поэтики происходит, как я уже сказал, за счёт синтеза с целыми, ещё не осыпавшимися слоями словаря. Это не столь наглядно, но может носить столь же тотальный характер.

Поэтика – перпетуум мобиле. Ну, и лирический герой почти. Я, конечно, преувеличиваю, но не сильно – в конце концов, дешифровку излюбленных

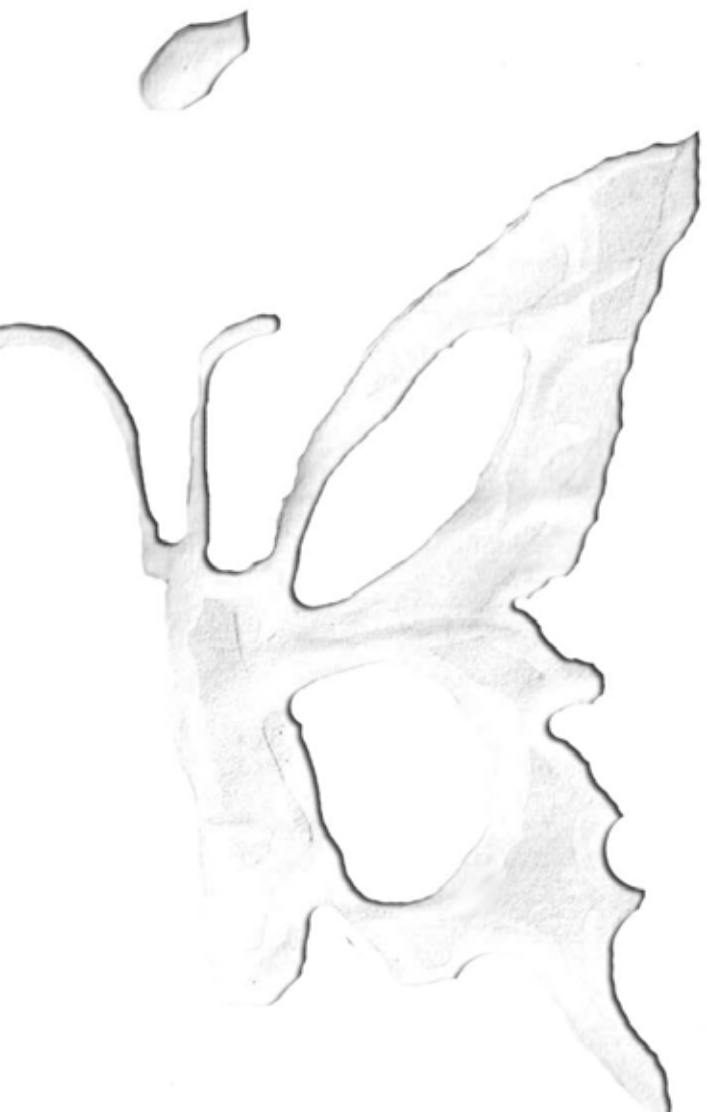
комбинаций авторских жестов и высказываний хранит и предоставляет нам ни что иное, как поэтика. По ней мы воссоздаём черты и узнаём характер авторского замысла, согласно её показаниям мы определяем прочность онтологии замысла и идеологии его носителя и разгадываем зашифрованный узор, сокровенные детали поэтических медитаций, авторских грёз и раздумий. Поэты, несмотря на некоторые свои причуды, верят больше словам, а не предметам.

Мы верим в слова, мы их думаем, изучаем их свойства, прибегая к магической практике поиска сущности в сочетаниях. Вообще говоря, современности, в своём воплощении на пространстве словесности, видимо, не удастся отмежеваться от накопленного традицией(ями) художественного письма. Тем не менее, свежий взгляд на вещи необходим. Как минимум, необходим язык новой аутентичности, который идентифицируется с эпохой (не забудем, Начало века на дворе). С другой стороны, ожидания литературы особых подарков в виде налетевшей, откуда ни возмись, новой эстетики чрезмерны, а лучше так – будут чрезмерны, при условии отсутствия чётко артикулированной в данных образцах, снабжённой некой постижимой кодировкой поэтики (что в свою очередь является важнейшим индикатором). Это касается всех и всегда. Если такой (т.е. чётко артикулированной, с недвусмысленным обозначением магистральных направлений) поэтики сочинитель не в силах предъявить, то ему уже верится с трудом. Можно перечислить десятки совковых авторов, которые автоматически отпадают по этому признаку при сдаче на мастера.

Поэзия – акт веры, направленный на язык. Молитву принято называть аналогом поэтического акта, но это неверно. Точнее, молитва – частный случай. Здесь вектор важен. Зашёптывание сочетаний сродни скорее ворожке, колдовству. Впрочем, у автора этих строк не вызывает сомнений волшебная способность слова преобразить мир. И он (автор) не скрывает, что аспект верочувствования занимает центральное место в его поэтике. При этом оба (автор и я) не столь наивны, чтобы отрицать наличие низменной природы в человеке, а соответственно и в жизни – но кто же верит в то, что есть? Какой поэт скажет, что он верит лишь в то, что есть?!

Что касается других участников «Поэтических сборников», то и им не чуждо всё вышеизложенное. Откровение – это целый комплекс переживаний. В диапазоне категорий вера/чудо/преображение неизбежно возникает гамма различий, одним из экстремумов которой является плотно суггестивная, неистовая, «безудержная» духовность, а другим – как результат вмешательства, острого пребывания в ней, препарирования действительности, какой бы мы ни преподносили её, поскольку телесное бесспорный феномен последней – агония телесности. Упомянутые мною различия читатель может оценить, внимательно ознакомившись с подборками стихов, представленными поэтами в первом выпуске «Поэтических сборников». А «Сборники», в свою очередь, читатель может считать зоной присутствия Иерусалимской школы синтетизма и её ответвлений (например, как было предложено одним из участников, герметического; ещё одним филиалом мало знакомой публике школы мне видится дискурсивный синтетизм).

Владимир Тарасов, май 2009

Владимир
Тарасов

ПАМЯТИ МИХАИЛА ГЕНДЕЛЕВА

Всё-таки ты ушёл.
Правильно сделал,..
избегнув вязкости смиренья пред заботой
чуть-чуть хлебнув –
ушёл.
И хорошо.
Лучше что чуть-чуть.
Последнее наверно подношение нам –
вовремя уйти –
хоть запросто, а
не даётся
просто
(не выпустив когтей, не будем о коллегах) –
я ведь вижу
жизнь.

Ах, как ты вынырнул из жижи
(я-то думал – пропасть...
прощальный взмах в Садах Аллаха и...)
как вынесло тебя на гимн
как поднимался бешеной спиралью
всё круче на Восток и круче
крича свой голос
в хищный горизонт.

А надоест –
седою сталью рифмы острые на землю
(стрел в Переделкино вонзил –
в самую щель!),
летели.
И этот жест бесстрашный посвященья
Борису с деревом в крови,
когда до риз Пречистых вВерх
неслось из горла клокотанье –
да кто тут ангел? –
как будто мандрагоры в оливье нашинковал
на зуб отменный –
в Кремль.

Вот здесь они зажали рты и уши
в изумление –
слово мужа!
Генделев!
Ты честью гонор искупил
ты честью оправдал *Искусство* –
а это КРУТО
(пусть и по-хасидски).

**АЛЕКС
ТЕЛЬМАН**

**ИЗ
НОВОЙ
КНИГИ**

УТРО СТРЕЛЬЦА

(фрагменты)

3

течение. одни.

в канальной тяжести движения фигур
не раз творимого осадка

город принял

печати рук

наутро предложив росы

цветного кирпича

проход

молитвы застеколье

словокуплений наших...

драпировка

стены облизывает холст (забота старых мастеров)

включая рамы

отсвет водянистый

формой контакта обтекаем

что выделяет близость

из толпы

повсюду двух.

в кустах розария –

ни капли нашей крови.

5

ему уголь в пух – антрацит

сердце частое

тронь на ходу

тени пешего...

парик отстегнул...

симулянту пожарнику один грех –

проводник

и валенка-подорожница

(по пригожему)

(своё)

бы отбить как татарину из рулеточных

в Москву–тоску

без поклонницы не умри

на духу опешилось

по ролям

даром

бигуди веду

что ли

рад.

9

Ослу

несдержан в качествах
лабилен по большому
канатом вот настолько
отвлечён?
из устного помёта плодовита
(не в духе бестолочь, а костная мука)
в одно лицо букварь –
не мерянное сито
проёмах неба как мишени:
мо-ло-ко

имеет смысл нет смысл имеет
поимел –

сучая выстрел паутину на припёке
свинец – глагол к озоновой дыре.

...до первых жар...
колен иного блюда

звучал мосты над скулами лекал.

10

В. Тарасову

Мерцал подобий тонкое сословье
тинктуры блеск в излучине имён
десяток ангелов –
один неугомонный.

На вылет – вещь – божественный пистон

О света дань –
исхода по ту-речь.

Чутье вне времени
(предмет неуготован)

Поправимо.

18

ВОЗВРАЩЕНИЕ КЛИППЕРА

(открытка на свадьбу возлюбленной сестры)

1

чтоб только не в ущерб седлу
чтоб только войлок не гноился

Река со стажем...

часами...

видом сер – (опрятное наследство)

прекрасна сука располагается.

В год смерти Бергмана
часть спермы на орех ему
и для Регины лоб –
пристрастье

витальный сгусток
улей по зерну слова в процессе свитка
золотых седин и средних судеб
короста – мимо
жизнь там... у людей

миньян из муз
чья sponsa крик дополнит?

19

прилежный выеб – бред
орденоносный
перед орнаментом
от обращённого ума
необратимостью из жгучих
мер – терракота, мясо – пустота
купи Орл, фланели и огня...
я в прачечной
пробил престол... другая крыша... поздравляю...

ритма – рана – ложь
серарека – сера – река
ритма – рана – дверь
и сера и река и ложе.

2

Шаг второй (не очень бережная стирка)

Инцест на верховине кровь – сурьма
хор деликатного (Gang - Bang).

Ночь и однажды чёрная герань
легла
легло на полую луну.

Лев недоделанный – гамак о всю спираль

пёс – пудель,
беготливый? али гунн?
(созвучье вписано – дар голубя(не дутыш))

суфлёр – осадок: что волокна наобум?
ундин по клюкве лапами в сухое

дно –

копоть –

искренность –

и нутрия покой

горяче-розовый (ногам её пристало)

в крылатом изголовье лесть-перо
педадь из киновари
лёгких цвет

письма мобилен нимб
блаженный эталон
открытого числа по сути мало
из ряда точных
и границ узла –
удел.

Смерть – эликсир эстетике увечья

трудолюблённый след
внемаковые сны
раненье на двоих

по сердцу тяжести нет в складчину огня

рубец –
люби СС

терпи реторта.

Кобыла для крокодила
рот в рот уже другой
и ночь с фашистом

3

Убитой прачки третий шаг

шаг третий. Для беды в миру
 шаг третий. Тело как поэт
 (изысканная боль – своё хотенье)
 шаг третий по росе – роса
 (небесное тавро)
 ты жив
 жив ты

скажи пароль (смотри 4).

третий шаг. Ещё? Слова.
 (и не любить за ними).

Всех нетерпений тыл быстрее серебра
 кисть не изучена
 торс – сдержанный Латрун
 души...
 дотошно амальгам
 их сок мой дёготь – дятел измождённый

час день: стальная нить
 час ночь: звезда

звезда в воде – пловчиха
 (ангел-штрих)

под Бергманом Регина красным волком

Рех – вдохнула, что Клиппер подвешенный?
 был, ответил любовник жене.

4

Один из посоха живот моей молчи
 Два проблеск сирота премудрый лун
 Три света хоровод весной павлин
 Рех, влага-гостья, сад, четыре.

Очаг и пена – рваные сегменты
 телесной участи событие: [кожа-соль].

5

Влага-гостья
 (способ вскрытия и употребления)

1. разверни по надрезу резиновую оболочку и сними её.
2. из складки внутренней оболочки вынь булавку и сними обёртку пакета.
3. левой рукой возмись за Бергмана и разверни Регину до вторичной скатки.
4. правой рукой возмись за скатку и разверни Бергмана, оставляя каждую Регину сложенной в четыре раза (в случае обильного енота или терпкой тамиллы, разверни Регину полностью.)
5. не касаясь губами посторонних предметов налож их на рану или стрелца стороной не прошитой стальными нитками.
6. при удачном контракте подвижную Регину отодвинь так, чтобы губами можно было закрыть оба отверстия.
7. возврати Регину, а Бергмана закрепи булавкой.

ПЕТЯ
ПАХ

СТИХИ
РАЗНЫХ
ЛЕТ

СЧАСТЬЕ

П.

1.

свет не смотрит назад
представляешь, смеётся над нами
когда за глаза
но зато устиляет себя вблизи
золотыми телами

по стеблям скользит
не поверишь, как он умеет:
руками возьми –
проникает пустую душу
прозрачным змеем

стекла не нарушив
сверлит чудесный кочан
и ты не нарушь
в ожидании данный обет
“тихий час”

долго глядя на свет
не заденешь его тончайшую
стебель-ветвь
не отпустишь нечаянно нить
стоя в чаще

2.

мы катались где город свои формирует виденья
на задворках где город стоит пред тобой на коленях

мы катались в пролётке, а лучше конечно в танке
касались локтями как будто кружились в танце

сбивая пылинки с седин бетонных построек,
где в каждой людское счастье на десять коек

наблюдает за нами сквозь жалюзи макаронного цвета –
мы выезжали на улицы чтобы одобрить это

с нами учитель вождения – вертит в руках катетер
(слова не пригодны даже пускать на ветер)

и только асфальт на глазах зацветающий солью
знает полуденный смысл руля и катетера роли

мы же катались чтоб вырос гротеск на затылке
чтоб стыдно и счастье за праздничный яд в бутылке

чтобы внутренний компас показывал пляшущий север
и звенело в ушах как при виде крупного зверя

попробуй представить себе Находку – не получается
ты понял насколько смешны твои притязания? – да, разумеется

3.

спать у нас принято (счастье!) в сырой земле
спать у нас принято жаться в одном белье
но это не мы – не волнуйся,
ведь многим не менее страшно чем нам
тебе же, красавица, я по секрету клянусь –
смерть не смотрит по сторонам

спать неразумие гонит её в города
меня неразумного (счастье!) к тебе сюда
как будто бы надо и принято
слать поцелуи пустые мимо ворот
не волнуйся за истину –
ты не забудешь где у дыхания рот,

где равновесие чтобы в глазах не плыло
ухом к земле припавши уснул пилот
не это ли счастье за скобками –
от страха спать обнимая стыд,
если я знаю помимо всякого опыта
ЭТО ИМЕННО ТЫ

так счастливые знают какой проводок перегрызть,
так искатели кладов знают что хватит рыть
и находят вдруг,
так проговариваются в бреду,
так половинку приняв из нечаянных рук
смотрят по сторонам, потом глотают и ждут

447

* * *

Л.

милая,

тут приключилось прекрасное праздное утро
я торчал до неистовства
и танцевал перед зеркалом как умею
и ощущение сладкое было как будто

ты УЖЕ моя

* * *

Ангел и медсестра
соревнуются, кто быстрее
у моря меня найдёт.

* * *

Вот это да!
Вот это “зверей бесноватое нищенство”!
Вот это я понимаю!
Ко мне, Балалайка!
Ко мне, Свисток!
Здесь уже всё, похоже.
Идём, бегунов покушаем на том конце.

* * *

хозяйственную волю первых дней
Творения забыть не дай, о Муза,
располагая струны и листы,
перо и лупу, бритву и зерно –
прозрения слепые инструменты –
вокруг моей поющей головы!

НЕ СОСЧИТАТЬ ПЛОВЦА

мне часто снится мой подсчёт неверный
волос пловца на триста больше чем сердец
в воде пылающих, а наяву – пустых и чёрных
ногтей намного больше чем в воде

мне часто грезится что ворох тёплых волн
его вращает в матовой оправе
как мотыльки ворочаются в прахе
такой пловец не прыгает за борт

в четыре круга суть его груди
содержит управление головой
в четыре раза большие враги
зачем вы беспокоите его?

зачем ему опять целует тень –
ныряльщица скафандр у соска
когда он сам в стократной темноте
губами-сотами касается песка

зачем мне снится каждый раз когда
не досчитав ресниц прилягу на часок
как будто спящему считает пульс вода
она узнала как он одинок

и поправляет: пузырьков у рта
на триста больше закутков у клеток
ревнива плоть – на триста ласт чем пяток
тринадцать родинок (и неделим остаток)
такая твердь не ринется с моста

с таким добром бы жить и жить и жить
а у него не сосчитаешь даже пальцев
и слов приветствия не выдавишь из уст

ЗАЛ

кто стоит и летит кто летит и падает
 кто наоборот – по-пластунски
 ни одной половицы не покидая
 плавает и лежит
 кто бежит и не дышит
 зато вот звенит – как звенит! –
 как никто –
 не один сидит и смеётся – многие:

полновесно идущий
 и об руку с ним не снимая пальто
 волочится и льнёт –
 есть который при всех
 присел и застыл
 летит и не дремлет,
 кто буквально пешком
 кто на карачках звеня целиком –

так или иначе
 мы все благополучно достигаем
 середины зала
 собираемся поклоняться Дьяволу

* * *

Илье

умиленья хищника, тёплые лапы щенка
 потаённый уют логовищ
 медвежастые трения шкуры о шкуру в пещере
 смущают сердца
 у обрыва застывших солдат
 (предпоследняя мысль, неизбежная гибель, февраль)
 но миндаль и омела
 роя на отлогах земли кучерявый каскад
 укрепляют их в вере

ГОД НАЗАД

Пчёлу

всего было вдоволь –
 пленные апельсины, венозная колбаса
 холодец да слеза с винегретом
 (братаясь)
 и черти для девочек

слепо игристое
 бодро под гору праздника
 валит веселье
 то пожелания счастья на полном серьёзе
 то песня

то угольки под икорку
 а то и “горько!”
 кровь запивает коньяк из собачьей миски
 носятся алаверды сквозь горящие кольца
 дружно летают под потолок
 раноцветные письма

а после курантов
 торжественно:
 все на местах –
 голова отрублена, сердце съедено!

буйная
 вдруг застывает
 кристальной фигурой на вдохе
 как награждённая орденом
 сумма всех чаяний

слышно и видно всё

можно пронаблюдать
 как пепел срастается в мышку

как превращается тень от подсвечника
 в человека с мечом и подушкой

в ёлочную игрушку вселяется
 самый канцерогенный мусор на свете

что это под брезентом, ребята?

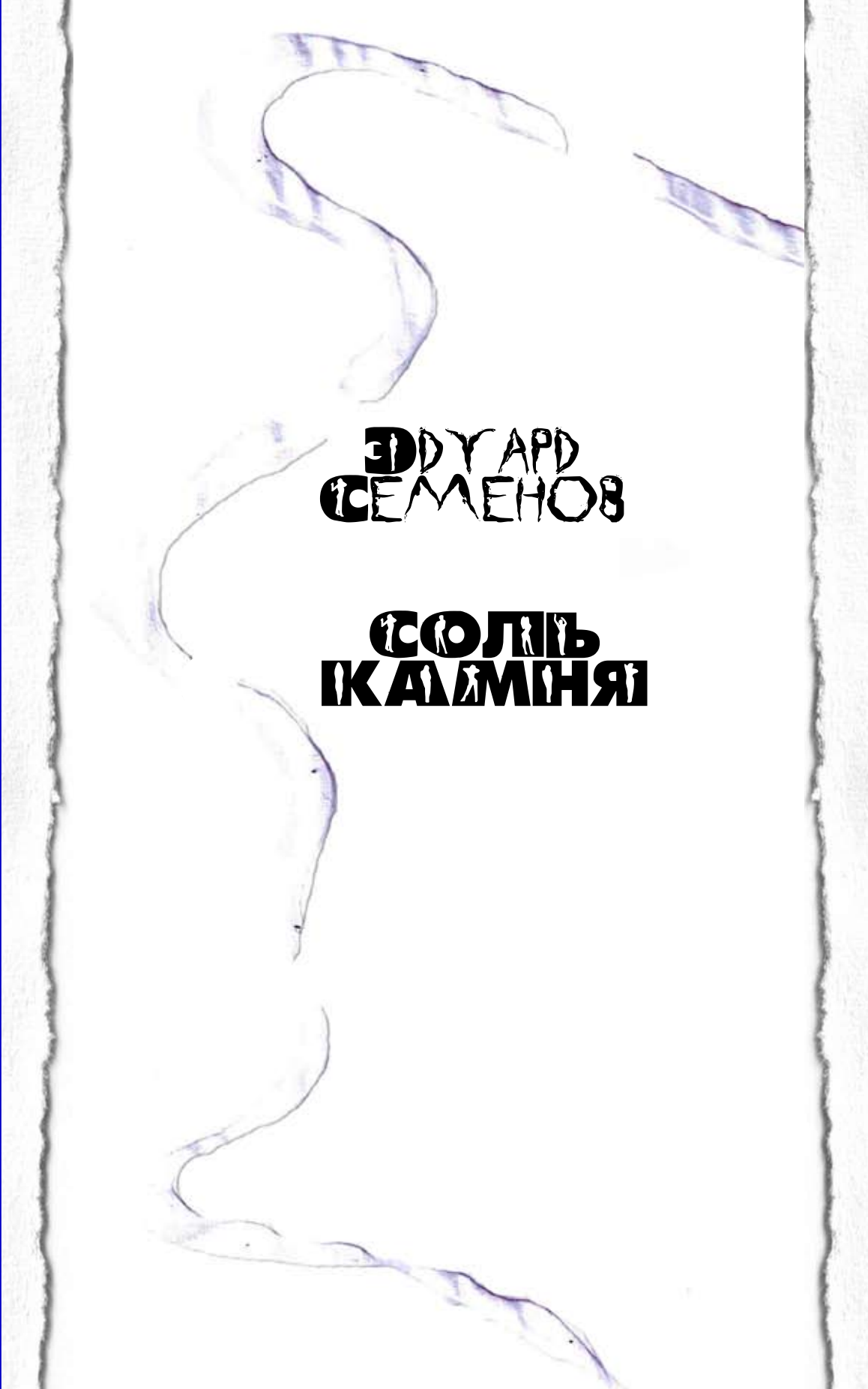
пойдёмте гулять

посмотрим как оседает
 праздничная пыльца
 на то ли мёрзлое мыло
 то ли халву
 наших улиц
 глянем как ветер
 проверим, не лучше ли в парке
 сжигая бисер

только бы не защемило тревожную дольку
 только бы не повредить
 невзначай позвонок
 неохотно отметить

всё ещё рыпается впотьмах ненасытное сердце
 всё теребит беспокойную ленту
 последняя сцена 2007-го года

Январь 08/ Февраль 09

ЭДУАРД
СЕМЕНОВ

СОЛЬ
КАМНЯ

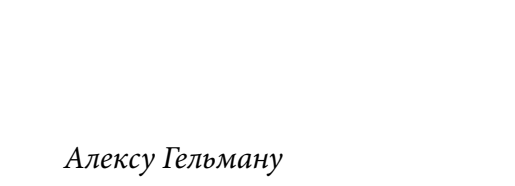
удар
а мон
случи
горе п

стран
к сло
если 1

близки
километр
перга
не знач

Волод

пристально
т
о кроме увиденного

ПЪЛЪМЕ ИЗВЕСТНОМ

УХОМ ВСПЯТЬ

Й ПЛОД

Не налям налим гуляет
то ли рыбная пора
стаи вод идут на нерест
с густого берега моей борозды
вереницей ресниц
пропадая.
Дважды его обошёл.

Рыжая –
цветом своим восхищаясь
рыба однажды.
Смотрела.
Я.

твоя жизнь любит долгое умирание
от рождения до смерти

желать это время
(обусловлен в вещах)

если кто-то и точит необдуманное в чистом виде

постигал упиваясь ветром

алая рамида не проникнет в никель
ждёт беспокойствия своего
как единица переполняющей пустоты

поднимая лесть входил в раж
лицом несмело приурочив маску
тень топтал (в дверь причины)

красочное расставание в вечном удивление
условие и пред-
посылки

не твоей избы этот сор

ворота ниже

я другой

если глядеть в него жидкостью лупы
частотой нулевого пространства
новое –
впечатление от росы
влагой не отдаёт

Девять высших указателей твоего вращения
игра сверкающих заблуждений
успел привязаться

(даже знает как оно выглядит)

Откуда ветер.
Листаю вспоминать.

Шахматное подражание
чёрное в лаконичности взглядов
льдом поедом белых квартир

Только цвет понимает кураж поражения
пауки не нуждаются в паутине
не плетут различий между утром и злом
сражаются на клинках

а Лаки меряет углы – лакает дым
подробно мне – он дым лакает

море выпило воды
море неслабое

где я мигом
у тебя на руках
вырастил
аккуратный скворечник

**ВЛАДИМИР
ТАРАСОВ**

**ИЗ КНИГИ
“ПЯТЕРНЯ”**

сказать ой да! окрестности! нравится –
марокканская музыка раздаётся истошная
надр-р-рывается –
приклеен будет верней:
неандертальцы, лица, красавицы
клинья оранжевые в зубах у детей
встречаются
клоны водятся –
разное

<...>
волки в городе помнятся пели с похмелья мне
(ели вилкой, не ёлками –
не Япония, не China нечаянно)
волки в городе тени их льнут к стене
шерсти клочья на проволоке колючей –
мшистый, им обещанный день
чуют выдался
хищные
<...>

ясен пень
репчатый –
лето отчаянное

DE VISU

Воспитанница медленного лада
волокон звука колкого со дна
перебирала ломтики на счастье.
Бездонный день стоял.
Полнеба
ангел Солнца осадил.

Пока чужие брали глоткой без оглядки
пока плескалась в молодом ещё вине
незаменимая улыбка под остроты
наш гид без удержу подкидывал загадки, –
я расшифровывал их россыпь на досуге
замороженный вязью новой саги.

Там были лица лунного сословья
кромсали слога выпретенную сталь
и свет ворочался; склонялся к изголовью
век пагубы в крови разъятой дали.

<ГОЛО>ГРАФИЯ

кроток свежий приток шёлковый
желанен
нежен
тело впитывает поцелуев течение
медленных рук
пальцев струящихся по спине всплеск
благодарно вбирает

<...>
коня на кон
(сабля и ус бля!)

в Порту гонец отпартован
тронулся ультиматум с трапа
скачет
<...>

ветер кроны раскачивает папоротниковых
пористо время
вечер

◇ ◇ ◇

Когда пере
хватило чувства
всё до чего коснётся слово
обрастает перьями

Скажем
пуская «бабочек» плашмя по водной глади

цепочка ли бестелесных точек –
оттаявшие звёздочки-нижинки
сцены ли
гравером выведенные на иных голышах –
пилюли палевых далей
(кроме съеденного опёнка конечно
и рыб Укаяли
поющих воздуха сказочный трепет...
Интересно не менее –
вправе мы пением называть
издавание звука?)
или
другое какое крыло
согласно пятой программе
где ни тени от «физики»
затушёван малейший материи признак
ощущение вечности
телом становится дух...

До чего только не коснёшься
когда пере
хватило слова

АККОРДЫ

... четверть второго третьего три
пальцев недостаёт
их и так давно уже не хватает
дотянуться до смыслов
отданных в твоё распоряжение
теребя значенья
уйти чтобы в отрыве
ими поводя
вдруг оказаться заведённым в область
где внезапны
и потому разительны прозренья
(здесь как угодно, лучше – понимать)

Любовь – в сознание внедрённая игра

Что означает мантия небес?

Волшебный способ опыления души
(их почему-то два, а, нет, он
в два этапа)

Круговорот воды и ваши дети
(снято с проката озаренье)

Пошатывание от магнитных тягот –
что это может мне напоминать –
пьяницы вящий образец...

а вот
опля, ласковая тема:
Исчадия конфликтов (сорок видов!)
и явленный процессор бытия –
хм!
выше нашей крыши...

надо же, вовремя
в твоё распоряжение отданные смыслы
сдуло
с пальцев

ТЕЛЬ-АВИВ

Алексу Гельману

Ленивым всплеском медля и кружа
 мне ветер нёс неугомонный возглас
 из города привольного где пляжи
 где ветви душно
 где телесный звук
 чудит и закольцовывает поступь
 в неласковом и отлучённом танце
 где
 тождеств торжество и равенство различий
 ступени реже мёртвого стрижа
 где дамбу сотрясают волн удары
 от головни праязыка возник пожар –
 великий след Ничто,
 где бережные лары –
 там побережье там иной обычай
 цветной росой там кирпич сочится
 потеет как застывший воск
 нежнее нравы там, развязней лоск
 трепещет слово
 чадо веселится

◇ ◇ ◇

Илистой слизью соль
 рассадник
 солнечный заповедник
 логово отзвука

пряная тишина
 вот сейчас застывает у
 стёкол

смотрится в них
 чувственные принимая позы
 то ли музыки то ли любимой
 с пригоршней малины в окне

яблоч её скормленный мне на славу
 чудесен
 хрусток сумрак его спелый
 и сочен
 ветра верхнего субботний слалом
 воскресен;
 а танец <...> мы завещаем –
 хлёсткого блеска сгусток –
 он безоглядно точен
 без исключения небесен

КЛАПАН МЕЛАНХОЛИИ

много ветра нанёс
концептоногий забег ----

Я бы хотел быть одет ----

не-не – умереть
вовремя

во время
дробления лучей на меди рыжей
как преломлялись на трубе намедни
(ох погудели
по-цыгански
с русским акцентом –
висли
на веселье –
курили блажь
и пили блажь
и пели...)

а я бы, – увидеть осязать и любоваться
а ты бы?

(пчелиное литьё подобий
следы их лапок
звука воск ----
под выплеск ритма
боль ронять – как бритвой –
воображение разматывает рифму)

увидеть осязать и любоваться...

◇ ◇ ◇

огнём вплетённым закавыченного свойства

слюду высветив медвяную
созвучий крылышек

внезапъ копытец с коготками
ковать не воркуя

прикосновений бесслёзных рикошетом
словно рот спрятан в голос
отрешённых

крохи ли караван искряных небылиц
молвой ведомый

закогтил одним взглядом
кривоточец

история с девушкой по имени Ыа
в зеркале свёрнутой дюжины лет (пэ-пэ-це) –
наколдовано
ненароком –
и этой правды жалкий вид
и судорожный вздох

огнём и медной нитью

глаз осязает цвет

словно не наяву
 силуэты недолепленных движений
 скрытые очертания
 тают их контуры
 отдельные па –
 можно губами их осязать по слогам
 на языке сочувствия обкатывать
 долго
 дольше
 ещё
 дольками
дольче
 зернистый воздух у истоков
 огненноликих сочетаний
 непринуждённых через меру
 (от безделья)
 чьё искроглазие блестяще
 и бесцельно...

края их заострённые до крови
 как странно: золото – а кровь!

словно не наяву
 затаённо кивают в подсказке слова
 источая томление мысли по жизни

словно не наяву
 оседает пыль и красна трава
 обагрённый серп и джихада казни...

припадая к проёмам между имён
 когда останавливает дыхание
 внезапно
 паузой возникнув

отдельно острого
 путанные следы восторга

говори поныне можно иначе
 ворса коснуться
 половиной слов

медленная радость
 ускользающего излучения поводов

у отвоёванного искусства

глазам?... присуще чаять образ
 чувствуешь
 глупо отказываться вроде
 пока слепое я распробовало терпкость
 не пролив стиха

сledi за мыслью
 капля на губах слизи

вспоминай теперь
 нас поджидает слепое я глядеть
 со струнами
 коснуться
 звуки их мерцают

говорить под них
мгновений щёлкать эталоны означает слёту
а то ведь не услышат
отдыхай
пока слепое я наигрывает что-то
помешанное на игре чтобы играть
дрожание полуденного солнца
на зеркальце

метр другой третий греция расцвет
какие корни ни возьми подарок светень
светлее дышится
и утро звонко
(порою примешь за приправу певчих славок) –
заглядывай за о!
бесподобный миг за край заглядывай
мир сбивчив пей неспешно –
перебродила сладость служанки острой страсти –
бездонный дар
заглядывать
за край:
там кружит свет волшебное творенье
как будто огненное море без огня –
за край
заглядывать –
остановить мгновенье! –
волокна неба
жизни взвесь
седое зренье
верховный час блаженного зерна!..

древесный фон землистого оттенка
шальные вспышки жаркой гаммы:

подставка, полотенце (Мондриан) –
плоскость стола

в ней не раствориться

Огонь
это фибры звуков
подрагивающих за нас
в любом
На этот другой
наслаивается огонь
зарождаётся вздох (ну скажи: говорилось)

Ты пьян от вздоха
Вздох дальше дали
вздох:
зачерпывание
высвобождение из переплетений ткани События
руками пламени
вы-хва-ты-ва-ни-е
изломов ясных
в глазах за паутиной взвеси

Мир – тот один
Один и весь
Он тайну затаил в своём дыханье
недаром этот день
недаром шёпот ночи
не даром жизнь, а – дар,
за смысл за-вёр-ты-ва-ни-е
бесценное
бессмертия касанье

сказать всё сразу было бы хуже
(обеим половинам)

на этой половине слова
мир заколдованный покоем
подвижен только звук
ни тени мрамора
ни ожидания вех¹

¹вехи – книги, стопки книг (не сборник при Царе-горохе –
живём сейчас;
сей час перу диктуют ветра ямбы!)

вобрал словаря сахар недавно
в жемчуге воздушном растворившись –
отчаянный горизонт
оттенков бесконечных высота!

твёрдая осязаемая
отлично можно кувыркаться
можно сны чертить, пускай висят высоко
намёками
как мысли вслух
на что-то -
знаешь, хочешь
яблок
созерцая,
с дерева вблизи

*Чаруй меня
так, чтобы не осталось
ни памяти во мне
ни пепла даже пепла этих...*

а строк уже не повторить на высоте
земли пролистывая записную книжку...

трепещущий огонь

пленённый звуком свет
колышется и шевелится
соловиным горлом,
царит и право правит лепота

править словами...
взоры считывая ловить...
ресницы у всех одинаковые

(по правилам индийской игры пешка может стать
любой другой фигурой в известный момент,
чего не скажешь о любой другой фигуре)

рисунок позади
назад одно мгновение – выше видно –
оставил
где превозмог себя и вихрь
в ушах стоял
(«за» значит побороться за
великолепье) –
праздник нетерпенья;

что собственно не повторить?
не повторить ведь боли чьих-то струн...
струны?!
медь созвучий (слог)
слог повторяем
ласково ли грубо –
душа была догадкой

повторяй

СКАЗ О КЛАДЕЗЕ

Кладезь в логове рыка...
 Клад...
 (не перечь, и колодец – клад
 холодный, с росой на стенках, клад воды притихшей
 сладкой
 независимой –
 сам колодец:
 ведро, столбы, верёвка на вертящемся бревне,
 каменная кладка, снаружи тоже, рукотворный,
 меньше этих кладов, исчезают,
 ну и времена пошли)

кладезь
 тот на всех один –
 смотри зачерпывай пощёлкивай (не спи)
 загульный гид по ниневии наваждений
 водит за длинноты
 что с него взять? –
 язык –
 пускай и водит

дно горла клада – матрица дыханья
 ей всё равно
 хоть стой на голове колодец дышит прямо,
 он ввёрнут в рот –
 она
 монада, говорю, мадонна, дань со дна
 она
 быстрее чем прозреет крик (P.S. исправьте)
 быстрее крылатой смерти эскадрилий
 быстрее тебя меня всех нас
 быстрее Земли! –
 кстати, и земли воздушней
 живей, хотя неосязаема, теплее
 в ней сокровенное тепло...
 и мрак...
 Ничто

поющий свет куда нас гид завёл
 то взгляды залежей застыли в ожиданье...
 взять, скажем, сердце –
 незряче вроде.., вроде..
 приглядишь
 а прикоснёшься –
 оживает в сердце пламя
 переливается и вьётся
 твою ладонь почувствовав
 смотри
 оно тебе кивает даже, видишь
 изнутри

Кто водит?..
 Кладезь водит.
 Я люблю.

◇ ◇ ◇

что я сказал?
 о чём тут – нетерпенье
 блаженство есть а нетерпенья нет
 спокойно звука переливов море – вот блаженство
 а то ещё –
 событие...

Со-бытие – предельное блаженство
 со незаметное извне
 бытие заметней
 ну ладно, быт, не очень тяготит
 а е?
 а е поёт во мне как я слепое
 канву сюжета мне же излагая
 затверженное е
 что «е» у нас в природе?

энергия
бессмертие лучей
да разве недостаточно?!

я и е
(ошибочное *бытиё* совсем не даром
не напрасным даром по ошибке
случайной якобы, маджнун раскрыл нам «ё»)
канву священную загадок излагая
поют во мне таинственный союз,
скреплённый клятвой изначальной буквы
а моя – печать
что равносильно росписи стило

ВИД НА ПАМЯТЬ

припоминаешь треснувший гранат
оттуда стебель пробивался крепкий
стебель хлеба
с этого ствола –
его ветвей –
плоды с подзагоревшей кожурой не первый год,
их мякоть радует
блаженства в зёрнах сок
земли в них неизменно бродят силы
огонь играет бражный
бродит кайф
(я слышал что в счастливых бродит пенье
и в пьяных...
пьяный счастлив? я забыл)

как странно – ты не помнишь, я забыл
а может счастье –
память потерять
чудесная подробность исцеленья
деталь из песни выложенной камнем...

потерянная память...
(дыры фрагмент,
в мозаике –
изгибы рук мы видим, флейту видим,
змей у ног, наборы благовоний, мази,
а торса нет – дыра – над ней лицо волхвует)

открытка. ё моё
вид с потолка на...
память –
ах да! припев!
слова пусть отдыхают
они ведь дорогие гости
располагаются на белых пятнах пусть

дыши моя потерянная память
души в ней неизменно бродят силы,
огня их восклицания
со дна

я слышал что в счастливых бродит пенье
я слышал – даже пьяный от вина
порой испытывает муз долготерпенье...

я слышал молния не может быть одна

ЗЛОХЕ

Медленно расставляет акценты МЕДЬ,
гибкою кровью своей образует формы.
Бесповоротна явь и бесподобна смерть.
Мёда вознаграждение – золото кармы.

Дальняя, перетоптанная не волнуется более пыль,
медленно оседает, ложится телом.
Альтом вооружённый, препоясанный шмель,
вот оно, превращение, предстаёт в облачении белом.

Талые, окоченевшие вздохи за слогом слог,
ломтики чувства, признания закоулок.
Мантия неземная, сладость нездешних благ
(мы обойдёмся без ниток и адмиралтейских иголок).

Дольнее эхо парит на крыльях лавины в горах –
стелется, ищет, льнёт, проникая в прорехи.
Перечеканкою образов, там, в голубых облаках
занят окрепший вихрь – неудержимый, верхний.

